

URBAN SPACE: MODERNISATION AND TRADITION

DOI 10.15826/qr.2017.1.208

УДК 316.662.2+394.014

ВЫТЕСНЯЕТСЯ И ОТМИРАЕТ? ГОРОДСКОЕ РЕМЕСЛО В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

Андрей Келлер

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

REPLACED AND DYING? THE HISTORY OF RUSSIAN URBAN CRAFTS IN THE CONTEXT OF MODERNISATION THEORY: ARTICULATION OF THE ISSUE*

Andrey Keller

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The history of Russian urban crafts in the era of industrialisation (from the second half of the 19th to the early 20th centuries) has not received sufficient historiographical attention, although in the last two decades researchers have become increasingly interested in the topic. In the context of modernisation theory, which was developed in the 19th and 20th centuries, crafts as a phenomenon have been considered “stuck in the past”, which supposedly means that they are not relevant to modernity: as such, the subject has been traditionally ignored. This article will

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российское образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор №. 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г. Автор благодарит Джеймса Уайта, Андрея Ефанова и Михаила Киселева за плодотворные дискуссии и советы во время работы над этой статьей.

** *Citation:* Keller, A. (2017). Replaced and Dying? The History of Russian Urban Crafts in the Context of Modernisation Theory: Articulation of the Issue. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5, № 1, p. 15–31. DOI 10.15826/qr.2017.1.208.

Цитирование: Keller A. Replaced and Dying? The History of Russian Urban Crafts in the Context of Modernisation Theory: Articulation of the Issue // *Quaestio Rossica*. 2017. Vol. 5. № 1. P. 15–31. DOI 10.15826/qr.2017.1.208 / Келлер А. Вытесняется и отмирает? Городское ремесло в контексте теории модернизации: к постановке проблемы // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 1. С. DOI 10.15826/qr.2017.1.208

discuss some methodological questions, the answers to which will allow us to take a new approach to the history of crafts and update our knowledge on this subject. The article will attempt to show the genetic relations between craft workshops and the so-called 'generators of innovation' – modern small- and medium-sized enterprises.

Keywords: Russian urban craft; industrialisation; industry district; modernisation theory; transfer of technology.

Рассмотрена история русского городского ремесла в эпоху индустриализации второй половины XIX – начала XX в., не получившая своего должного отражения в историографии за исключением последних двух десятилетий. В контексте теории модернизации XIX–XX в. история ремесленничества как феномена, навсегда отошедшего в прошлое, не могла быть в полной мере исследована. Показано, что гетерогенный состав ремесленников (цеховые – нецеховые) и многоукладность ремесла (городское, сельское, кустарное, артельное) в дореволюционной России создавали предпосылки для более гибкого реагирования на запросы рынка, таили в себе большой потенциал роста и перерождения в современные формы кооперации, профессиональных корпораций и стоящих на новом технологическом уровне малых предприятий. Принципиально важным было наличие разных форм ремесленной собственности и организации от ремесленника-кустаря на селе или в городе, производящего по подряду для анонимного рынка и зависящего зачастую от купеческого капитала, до городского мастера – собственника ремесленной мастерской, работающего, как правило, по индивидуальным заказам. Автором обозначены методологические подходы, использование которых позволит по-новому посмотреть на генетическую связь ремесленной мастерской с «генераторами инноваций» – современными малыми и средними предприятиями и актуализировать историческое знание.

Ключевые слова: русское городское ремесло; индустриализация; теория модернизации; рефлексивная модернизация; трансфер технологий.

Немецкий историк Вольфрам Фишер писал в 1972 г. о существовании распространенного заблуждения о том, что якобы ремесло как неконкурентоспособное вытесняется крупной промышленностью с развитием индустриальной революции [Fischer, p. 396]. И сегодня можно встретить подобную точку зрения, приверженцы которой утверждают, что с развитием технического прогресса ремесло должно автоматически исчезнуть [Егоров, Чистова, с. 222; Seumer, p. 2]¹.

¹ Человек, занимавшийся ремеслами в XI–XVII вв., – 'ремесленник или ремесленник' (*прил.* ремесленный и ремесленный), т. е. мастер (мастерской, мастерство) какого-либо ремесла или мастер в каком-либо деле, искусник' [Словарь, с. 142–143]. Мы согласны с А. В. Ефановым, предлагающим использовать более широкое двухуровневое понятие *ремесленничества*, включающее в себя ремесло как первичную основу производства и технологии и личность ремесленника, его социальные и культурные практики, социальные институты [Ефанов]. В данной статье будет применяться традиционный в исторической науке термин *ремесло*, вбирающий в себя как технологии, так и совокупность ремесленников, их культурные и социальные институты, особый социально-экономический и технологический уклад.

Постараемся выявить корни данного заблуждения экономического, концептуального и мировоззренческого характера, основываясь на эмпирическом материале. Ремесло так же, как и крупное промышленное производство, во время эпохи промышленной революции и последовавшей затем модернизации, подстегивавшейся конкуренцией, переживало не только постоянные изменения и трансформации, но и непреодолимый рост. Как это происходило и куда вело – главный вопрос этой статьи, ввиду небольшого объема которой ответы на него будут обозначены лишь контурно.

Теория модернизации показала высокую степень своей адаптации к новым вызовам современности. «Модернизация» понятия модерности привела к появлению двух ее модификаций: теории «множественных» модернов [Eisenstadt] и рефлексивной модернизации [см.: Beck, Bonß, Lau], позволяющих по-новому посмотреть на ход экономического развития и, возможно, найти в нем место современному ремесленничеству. В конечном итоге ремесло показало высокий уровень адаптации к современным условиям и смогло значительно расшириться в странах Запада [Егоров, Чистова, с. 222; Kaufhold; Fischer, p. 396].

От появления такой нетрадиционной перспективы в интерпретации ремесла зависит, как сложится его историография в ближайшие десятилетия. Ведь развитие историографии – это тоже процесс осмысления исторического материала в изменяющейся перспективе. Историография ремесленничества в книгах, написанных в 2020–2050-е гг., будет выглядеть иначе, чем сегодня, при условии осуществления поворота в истории ремесла – *craft turn*. Именно с запросом на смену парадигмы с начала 2010-х гг. коллеги из смежных дисциплин все больше пишут об этом (см., например: [Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России, с. 164]). История ремесленничества, таким образом, вписывается уже сегодня в историографию будущего.

Для европейско-российского модернизационного дискурса представляется интересной попытка преодоления европоцентричности этой теории, предпринятая Шалини Рандерией, рассматривающей историю Индии в статусе колонии Великобритании [Randeria]². Характерно, что понятия совместной истории (*geteilte Geschichte*) и переплетенной модерности (*verwobene Moderne*) делают акцент на двусторонних интересах и взаимодействии, носящем двоякий характер, актуальный и для России. В этом контексте Е. В. Алексеева уместила феномен диффузии европейских инноваций в России в один емкий образ: «История любого государства представляет собой причудливое и уникальное переплетение бесчисленных нитей, связывающих его культурную ткань с множеством стран света, где они были впервые “спрядены”» [Алексеева, с. 3]³.

² В отличие от Индии, Россия никогда не имела статуса колонии какого-либо западноевропейского государства.

³ Особенности теории диффузионных волн являются перечисление и квантификация агентов модернизации и количества нововведений, но не объяснение того, как функционируют механизмы модернизации, трансфер знаний и технологий, что, в свою очередь, принципиально важно для понимания истории ремесла.

Процессы модернизации и европеизации (вестернизации) России в рассматриваемый период продолжают интенсивно исследоваться [Алексеева, Редин, Рей; Побережников; Роль эндогенных и экзогенных факторов...], «и все же необходимо критическое переосмысление истории [России], написанной в рамках теории модернизации и по [западно]европейским лекалам» [Jobst, Liechtehahn, p. 46, 59]. Особенно это касается истории ремесла, область которой колонизовали и трансформировали модернизационный и индустриализационный дискурсы, переписав ремесленный нарратив.

Одной из отличительных особенностей теории рефлексивной модернизации является признание якобы неизбежности негативных побочных эффектов в лице индустриального развития и общества массового потребления вследствие специфического понимания данной теорией технического прогресса и целеполагания модернизации. Поэтому теория рефлексивной модернизации, как правило, не пытается устранить риски, а принимает их в расчет как необходимые издержки, что ведет к возникновению «общества рисков» (нем. *Risikogesellschaft*) и экологическим катастрофам. Джейсон В. Мор расставляет иные акценты, связывая последние не со временем антропоцентризма и всеобщей историей человечества, а с ее специфическим периодом, названным Мором *капиталоценом*, указав тем самым на главную причину экономического и экологического неблагополучия на планете [Moore]. Рассмотрение ремесленной деятельности (ручного труда) в этом контексте как фундаментального антропологического признака приобретает особое значение. Развитие сегодня ремесленничества, принадлежащего к малым и средним формам предпринимательства, не является полным решением данной проблемы, но может значительно расширить положительные сценарии развития будущего, снижая социальное напряжение, трансформационные и экологические нагрузки, диверсифицируя рынок.

Аргументация историка Бенжамина Штайнера приобретает свою особенную оригинальность благодаря сочетанию побочных последствий («коллатеральных потерь») теории рефлексивной модернизации, с одной стороны, и непоследовательностей и противоречий в истории, с другой. При этом виден интегративный потенциал рефлексивной модернизации, критически рассматривающей ее результаты на протяжении последних 200 лет и интегрирующей тему экологии в концепцию второй модерности. Возникающее благодаря субверсивным динамикам прошлого новое интегрируется в современные концепции развития, вследствие чего индустриализация первой модерности тормозится или останавливается [Steiner, S. 27–28], а промышленные гиганты прошлого демонтируются, чтобы уступить место малым гибким экологически чистым и технологичным формам производства. Критикуя модернизм, автор статьи не причисляет себя к антимодернистам, защищая ремесло, и не при-

зывает вернуться в архаику. Скорее это критическое переосмысление модернизма и его роли в трансформации как ремесла, так и крупного производства.

Заметим: рыночные отношения существуют для всех, но теория рынка не охватывает и не объясняет полностью ремесленничества как особого социально-экономического уклада, альтернативного капиталистическому. Поэтому положение о том, что крупное промышленное производство, возникшее в XIX в. в Европе, автоматически должно было заменить мелкое ремесленное, является некорректным и недоказанным [Sennett, p. 9]. На самом деле в процессе развития они сосуществовали, взаимодействуя и образуя симбиоз или функционируя независимо друг от друга. Примечательно, что среди предпринимателей, открывших промышленные предприятия в 1852–1853 гг., больше половины принадлежали к цеховым мастерам, а во времена пика индустриализации Санкт-Петербурга в 1890-е гг. ремесленные предприятия точно так же ускоренно росли [Keller, S. 435–436, 482–484]. Схема поступательного развития от ремесленной мастерской к мануфактуре и фабрике стала причиной аберрации в восприятии истории ремесла, приведшей к предположению, что на последующих стадиях экономического развития эта форма производства *должна* отсутствовать.

Динамика промышленного развития конца XIX – начала XX в. коснулась в полной мере и ремесленных мастерских, когда произошла частичная механизация определенных операций и стали применяться машины и современные технологии. Американский философ и социолог Ричард Сеннет говорит о ремесле как универсальном виде человеческой деятельности, являющейся базисной составляющей любой человеческой культуры [Sennett, p. 9]. Действительно, можно сказать, что ремесло – умение делать что-то руками – является антропологическим признаком *homo sapiens* и *homo sapiens sapiens*. Сеннет идет дальше и говорит о стремлении человека, в особенности ремесленника, делать качественную работу⁴. Он расширяет понятие ремесленничества до любой работы ручного характера – от компьютерного программирования до хирургии и музицирования. Ручной труд рассматривается не в отрыве, а в сочетании с интеллектуальной деятельностью и эмоциональной сферой, благодаря чему повышается его значимость. Вполне логично, что Сеннет обозначает человека, обладающего такими способностями, универсальным

⁴ У Д. Э. Харитоновича находим описание этического фактора в работе западноевропейского ремесленника, укрепившегося в России с введением цехов в 1721–1722 гг.: «Мастер родился не только с братьями по цеху, но и с производимыми изделиями. Они не были безликим товаром, но как бы частью его самого. В изделиях отпечатывается личность мастера во всей его целостности, со всеми его жизненными качествами. Так что плохой человек как бы не мог сделать хорошую вещь. Высокие моральные требования к мастеру становятся необходимыми и для его производственной деятельности. И наоборот, ремесленный трактат, содержащий указания о том, как сделать прекрасные вещи, становится как бы трактатом педагогическим, повествующим о том, как стать прекрасным человеком» [Харитонович].

понятием *homo faber* (лат. *faber* – художник, кузнец, ремесленник, мастер), то есть человеком производящим (*man as maker*) [Sennett, p. 8], объединяющим в себе как *homo creativus*, так и *homo economicus* [Мокир, 2014, с. 277]. Ремесленник фокусирует свое внимание на объективных стандартах, на самой вещи, в отличие от рабочего, занятого определенной операцией. Поэтому неправомерно говорить о «конце истории» ремесла с началом индустриальной революции.

Становится понятной критика М. И. Туган-Барановским марксистской схемы *стадиального* развития промышленности от ремесленной мастерской к мануфактуре и фабрике. Согласно его наблюдениям, в зависимости от специфики того или иного региона наблюдалось и обратное развитие: «фабрика, домашняя промышленность, “самостоятельное” кустарное производство. Кустарная изба оказывается результатом эволюции фабрики» [Туган-Барановский, с. 272]⁵. Можно согласиться с Ю. Я. Рыбаковым, критикующим такую интерпретацию, основывающуюся на некорректном статистическом анализе [Рыбаков, с. 5–6]. Важно другое – что такая одновекторная стадияльная схема плохо подходит для описания развития ремесла или попросту не принимает его в расчет. В зависимости от региона, вида промышленности и формы взаимодействия купцов, кустарей, промышленников и ремесленников вектор развития и природа ремесла могли сильно отличаться: в одном случае – приводить к вытеснению ремесленной мастерской, появлению новых форм производства, а в другом, наоборот, к сохранению традиционной ремесленной промышленности с привнесением элементов технических новаций. Данное качественное изменение перспективы может свидетельствовать о наличии особой логики развития ремесла, отличной от таковой в крупной промышленности.

Благодаря успехам российской ремесленной промышленности исследователи второй половины XIX в. особое внимание стали уделять развитию ремесла, радикально отличавшегося от крупного промышленного производства, основанного на разделении труда, или дифференциации, не характерных для мелкой промышленности. Этот феномен созвучен чрезвычайно продуктивному методу дифференциации в научном анализе, казавшемуся ключом к пониманию технического прогресса в промышленности. На негативное отношение к ремеслу решающее значение оказали взгляды представителей экономического либерализма А. Смита и Д. Рикардо, ставивших во главу угла разделение труда, рынок и капитал, не имеющие для ремесла такого значения. В конце XIX в. аффирмативные взгляды на позиции этих признанных классиков экономической теории сохранились, и заимствованная из экономических наук *позитивная оценка плодотворности разделения труда* была использована и при анализе ремесленного производства. *Возрастающая дифференциация* как центральное условие «плодот-

⁵ М. И. Туган-Барановский не делает из ремесла и промыслов фетиш. В конечном итоге он признает «окончательную» победу фабрики в России в конце XIX в.

ворного» развития привела к принципиальной негативной его оценке [Луман, с. 7], а значит, и к невозможности адекватно проанализировать эволюцию ремесла как самодостаточного исторического феномена за последние 200 лет.

Дифференциация в производстве сыграла решающую роль в повышении производительности труда, механизация и автоматизация на массовом производстве, устранившие риски, обусловленные человеческим фактором, привели к повышению качества массовой продукции. Но в то же время ни одна машина не может достичь того совершенства в изготовлении уникального штучного товара и максимально удовлетворить потребности заказчика, как это мог сделать ремесленник прошлого или современный, вооруженный миниатюрной техникой, вплоть до цифровых технологий. Рядом с машинными технологиями, воспроизводимыми только в заводских условиях, зафиксированы уникальные ремесленные технологии, как в случае с бельгийскими оружейниками на Урале в 1850-е гг., которые оказалось невозможно перенести на крупное производство, слишком грубое, чтобы их интегрировать. В тонких ремесленных технологиях сочетаются такие качества, как интуиция, основанная на личном опыте мастера, чувство меры и понимание эстетики «на кончиках пальцев». К слову сказать, и сегодня рабочие, технические специалисты и инженеры не могут работать полноценно на крупных производствах без этих качеств. Касание поверхности новой модели «фольксвагена» Фердинандом Пиехом – что это, как не тактильная коммуникация со своим детищем, эмоциональная связь с материалом родом из мира мастера-ремесленника, проводящего рукой по дулу ружья, изгибу скрипки, рояля или комода.

Ввиду специфики модернизационного дискурса возникает вопрос, совместимы ли модернизация и ремесло. В теории индустриализации как основополагающего процесса модернизации предполагаются неизбежное укрупнение и механизация производства с одновременным отмиранием ремесла ввиду конкуренции с крупной промышленностью. Такая сомнительная логика экономического и промышленного развития, будучи перенесена в производство, породила советскую экономику с ее самыми большими в мире промышленными гигантами, которая так и не смогла справиться со структурными диспропорциями в промышленности и тотальным дефицитом товаров народного потребления. Поэтому в России генетическая связь бывших ремесленных мастерских (малых форм производства) с малыми и средними предприятиями сегодня затруднена, так как эти формы производства были административно упразднены ввиду специфики политического и экономического развития в советское время и сохранялись первоначально в кооперативном движении, позже – лишь в урезанном виде в так называемых домах быта, «доместичировавших» портных, обувщиков, парикмахеров и специалистов химчистки.

Та же участь постигла и широко распространенное в дореволюционной России кустарное производство, в котором были заняты миллионы производителей [Шепелева, с. 47]. Важная отрасль промышленности еще в 1930-е гг. превратилась в сравнительно небольшую область народного творчества. С исчезновением «мелкобуржуазного» слоя ремесленников произошли социально-экономическая трансформация и «ужимание» оставшихся из них до состояния мастеров «художественных промыслов». Сегодня последние не занимают какой-либо заметной ниши в экономике страны, их традиционно относят к области декоративно-прикладного искусства и производства сувенирной продукции. Характерно, что еще 7 марта 1917 г. в Петрограде в помещении Института истории искусств с докладом «О постановке художественной промышленности и кустарного дела в России» выступил А. Ф. Гауш, художник и первый хранитель Музея Старого Петербурга, который ввел понятие «кустарной художественной промышленности» (цит. по: [Ананьев]). Идея создания особого художественного ведомства, высказанная докладчиком, нашла свое выражение в последующем гипертрофированном огосударствлении всех сфер экономической деятельности ремесленников.

В противоположность этой позиции в Германии развитие ремесла продолжилось ввиду сильно развитой традиции ремесленных мастеров, берущей свое начало в цехах, трансформированных в XIX в. в профессиональные объединения. Сегодня в Германии более 5 млн специалистов, занятых на более чем 1 млн ремесленных или близких к ним предприятий [Beschäftigte / Umsätze]. С помощью представителей 350 профессий, согласно Перечню профессий ФРГ, возможно выполнение 25 тыс. видов квалифицированных работ [Блессинг, с. 16]. Из этого количества более половины профессий приходятся на работников малых и средних предприятий, причем 94 из них – ремесленные [Космодемьянская, с. 15].

Немецкая экономическая модель социальных рыночных отношений, отличающаяся большей стабильностью, инновационностью и динамичностью, является таковой не в последнюю очередь благодаря симбиозу предприятий крупной и мелкой промышленности⁶. Этим объясняется их успех на рынке.

⁶ В то время как население центров крупнейших традиционных промышленных районов Англии – Ливерпуля, Манчестера и Глазго – сократилось за период с 1921 по 1991 г. в среднем на 40 %, население центров промышленных кластеров мелких производителей изделий из металла Бирмингема даже немного выросло (сегодня более 1 млн), а Шеффилда осталось стабильным (немногим более 500 тыс.). Можно предположить, что этот положительный факт связан с развитием в последних двух городах мелкого производства и наличием более гибких практик реагирования на экономические трансформации. Что же касается первых трех городов, то их демографическая ситуация является схожей с еще более тяжелым положением большинства уральских городов, вступивших в полосу депрессивного развития с конца XX в., в которых сосредоточена большая часть технологически устаревающих производств [Баканов].

Мнение К. Маркса о безусловной прогрессивности капитализма по отношению ко всем видам производства, возникшим в предшествующие ему эпохи, видится сегодня не таким бесспорным. «Прогрессивные» на определенном этапе фабрики и заводы противопоставлялись «отсталости» и неконкурентоспособности любых форм ремесленного производства. Но что же произошло на самом деле? Капитализм как форма собственности и организации производства, предусматривавшая экспроприацию орудий производства, применение наемной рабочей силы и разделение труда, противоречил во всем ремеслу, имевшему иные качественные признаки: ремесленник обладает орудиями труда и продуктами производства, завися от капитала лишь косвенно. С развитием капитализма в XIX в. происходят массовая пауперизация населения и обострение социальных конфликтов. В XX в. характер проблем, стоящих на повестке дня, меняется: вместо бедности – богатство, вместо дефицита – кризис перепроизводства и общество массового потребления. Вместе с тем, произошла вульгаризация понятия ремесла как древнейшей формы мануально-интеллектуальной деятельности, в результате которой были приобретены первые навыки по взаимодействию с материальным миром и его преобразованию, находящиеся вне субъективных отношений.

Ремесло может рассматриваться как уравнивающая альтернатива излишнему технократизму, индустриализации и стандартизации, безусловно имеющим свои сильные стороны. Ввиду когнитивной и терминологической специфики теории модернизации ремесло не может быть рассмотрено как полноценная форма экономической деятельности в прошлом (цеховое и городское ремесло), настоящем (инновативное малое производство) и будущем (сети высокотехнологичных малых производств). Противоположным направлением в исторической науке является история ремесла не как традиционного института рудиментарной экономической и промышленной деятельности, а как элемента современного производства, где ремесленный мастер или специалист играет роль самодостаточного производителя материальных и идеальных ценностей [Егоров, Чистова, с. 222]. Данный прием не является способом «осовременивания» ремесла, но служит получению иной перспективы и контекста для переосмысления движения ремесла от «примитивной ручной работы» до высокотехнологичного узкоспециализированного производства. Ремесленник эволюционировал в ходе промышленной революции так же, как мануфактуры, заводы и фабрики, только с иным результатом.

В 1773 г. один из приверженцев промышленного развития Англии уверял лорда Уорвика, «что производители Бирмингема разгромят своих конкурентов с континента с помощью механизации и разделения труда и специализации»; это только отчасти касалось ремесленников, остававшихся узкими специалистами по произ-

водству качественного готового продукта, а не суррогатов и массовых копий оригинала – они оставались этим оригиналом [Мокир, 2006, с. 11]⁷.

Согласно экономическим представлениям XIX–XX вв., ремесло должно было остаться, выражаясь фигурально, «на обочине научно-технического прогресса» и уйти в прошлое. Ремесленнику, ассоциировавшемуся с примитивными орудиями труда, малой производительностью и ориентацией на традицию, не было места в промышленной революции, а значит, и в будущем. Но это была лишь проекция европейских правительств, руководствовавшихся идеей «промышленной свободы» и отменивших цехи посредством декрета [Epstein, p. 684]. На самом деле цеховое ремесло, как и ремесленная промышленность в целом, не проигрывало во всех отраслях производства крупной промышленности, но где-то даже успешно выдерживало конкуренцию⁸. Более того, именно ввиду понимания важности профессионального образования в ремесленной мастерской, а не только фатальной консервативности русского правительства, цехи как сословно-профессиональная организация просуществовали до 1917 г., а в Петрограде неформально, уже как профессиональная организация, до 1919 г. [Пажитнов, с. 173]. Развитие ремесла не прекращалось с промышленной революцией, но претерпевало значительную модернизацию с сохранением базисных основ ремесленного производства: мастер как производитель, руководитель и владелец в одном лице, малые формы производства с уникальной штучной продукцией и небольшими сериями, высокая специализация.

Ремесленники существовали в том же информационном и идейном поле, что и промышленники, купцы и прочие субъекты экономической деятельности того времени, а значит, не были чужды идей прогресса, понимания роли просвещения и образования в ремесленной среде [Мокир, 2006, с. 8]. Дж. Мокир дал название этому явлению в Европе XVIII в. – «промышленное Просвещение». Точным аллегорическим изображением «просвещенного» ремесленника XVIII и прежде всего XIX в. является «царь-плотник» – скульптурное изображение Петра I в образе ремесленного мастера, строящего корабль, подаренное правительством Нидерландов городу Санкт-Петербургу к 300-летию основания российского флота (1696–1996) и установленное на Адмиралтейской набережной.

⁷ Речь идет об известном центре металлообрабатывающих ремесел XIX в. в Англии.

⁸ Вольфрам Фишер привел в 1972 г. убедительный факт, свидетельствующий о vitalности ремесла в Германии. Все основные ремесла не только сохранились, но в большинстве своем в абсолютных и относительных числах выросли (по отношению к численности населения, а иногда даже и к крупной промышленности). К примеру, процент ремесленников среди населения с начала XIX в. до начала 1970-х гг. удвоился. В то время как в 1800 г. на сто человек приходилось четыре ремесленника, в 1972 г. их уже было восемь [Fischer, S. 396].

Памятник Петру I («Царь-плотник»). Санкт-Петербург. Скульптор Л. А. Бернштам

A Monument to Peter I (The Carpenter Tsar). St Petersburg. Sculptor L. A. Bernstam

Представления Петра Великого об исторической эстафете античного мира, Европы и России, которая должна была эту эстафету вновь передать Европе, характерны для всего петербургского периода русской истории. В рамки этой концепции логично вписывается нарратив взаимодействия российских и иностранных ремесленников. Просвещенческая и европейская парадигма особенно характерна для иностранных ремесленников европейского происхождения, что и понятно. В среде российского городского ремесла, и особенно петербургского, европейское влияние было настолько сильным, что превосходство иностранных ремесленников предполагалось, особенно в Санкт-Петербурге, изначально и долгое время не ставилась под вопрос их российскими коллегами. Идеи Просвещения и ремесленного образования эксплицитно стали активно артикулироваться ремесленными мастерами как русского, так и иностранного происхождения с 1840-х гг. [Келлер, 2014a]. Причем на это время приходится отход русских ремесленников от слепого подражательства и всту-

пление с иностранными продуктами («прямо из Парижа» или «прямо из Лондона») в прямую конкуренцию.

Теория модернизации работает особенно успешно в контексте истории промышленной или индустриальной революции, а именно в период развития крупной промышленности и естественных наук на протяжении примерно 200 лет – с 1760-х гг. (промышленное применение паровой машины) до 1970-х гг. (кризис перепроизводства и границы роста). При этом история ремесла, как правило, не рассматривается. В условиях смены парадигмы бесконечного экспоненциального роста промышленного производства на парадигму устойчивого развития следует пересмотреть и историю ремесла, принципы существования которого почти полностью соответствуют последней, а значит, имеют большой ресурс развития в будущем.

Учитывая роль ремесленников во время модернизации и индустриализации в русской промышленности XIX в., также готовивших квалифицированные кадры для заводов и фабрик, осуществлявших роль субподрядчиков, а также как самостоятельных производителей, можно говорить о третьем важном агенте промышленной революции наряду со средним и высшим техническим персоналом, а именно о ремесленнике, представленном в производстве квалифицированным рабочим или мастером. Гетерогенный состав ремесленников (цеховые – нецеховые) и многоукладность ремесла (городское, сельское, кустарное, артельное) в дореволюционной России создавали предпосылки для более гибкого реагирования на запросы рынка, таили в себе большой потенциал роста и перерождения в современные формы кооперации, профессиональных корпораций и стоящих на новом технологическом уровне малых предприятий. Принципиально важным было наличие разных форм ремесленной собственности и организации от ремесленника-кустаря на селе или в городе, производящего товар по подряду для анонимного рынка и зависящего зачастую от купеческого капитала, до городского мастера – собственника ремесленной мастерской, работавшего, как правило, по индивидуальным заказам.

Ремесленные цехи, обретшие вторую жизнь в крупном производстве, так же, как и мастера в промышленных цехах, были представлены горожанами, стабилизировавшими городское общество, в отличие от вчерашних крестьян, потерявших культурные ориентиры, задаваемые в деревне вековыми традициями. Заводское начальство в случае с последними было более свободно в выборе средств умаления прав своих рабочих – бывших крестьян, чем с ремесленным мастером, и могло допустить высокую степень эксплуатации и низкий уровень оплаты труда.

Пробуксовка инноваций в современной России, как нам видится, имеет историческую связь с судьбой ремесленной мастерской и мастера в XIX–XX вв., то есть малого и среднего предпринимательства. Назовем явление *ловушкой модернизации*. Суть его заключается

в том, что некоторые факторы модернизации, обозначенные как побочные (погоня за рентой, безудержный рост и экспансия, коррупция, отчуждение рабочей силы от средств и продуктов производства, ее жесткая эксплуатация, отсутствие социальных гарантий), могут быть настолько сильными, что становятся угрозой модернизации, провозглашенной во имя экономического процветания, обусловленного техническим и социальным прогрессом.

Труд ремесленника в этом свете приобретает иной вес и иное значение, так как соответствует идеям малоотходного, неанонимного, близкого к потребителю, экологичного и самодостаточного производства. Такая форма производства не направлена на экспансивный рост, пожирание ресурсов и пробуждение нездоровых потребительских интересов, идущих вразрез идее устойчивого развития [Клеман; Сеннет].

Мелкое производство (в случае с ремесленниками) и активно развивающийся капиталистический уклад часто противоречили друг другу, состоя в жесткой конкуренции. Но не всегда последний выигрывал и занимал ниши ремесленного производства в силу своей специфики – дифференциации рабочих и технологических процессов, унификации, массовости, монотонности труда. Напротив, как показывает опыт Германии, где, в отличие от России, профессиональная корпорация ремесленников не прекратила своего существования, малые и средние предприятия нашли свои ниши производства, основанные как на индивидуальном заказе, так и на выполнении более крупных заказов больших компаний⁹.

Ремесло и модернизация – не взаимоисключающие понятия, но суть стороны одного процесса бесконечных изменений и попыток их гармонизации. На помощь идее о необходимости развития ремесла приходит *концепция побочных последствий*, существующая внутри теории модернизации. Загрязнение окружающей среды, границы роста, конечность ресурсов, общество потребления, рассматривавшиеся ранее как побочные последствия модернизации и индустриализации, выходят на первый план и становятся центральными, и от их разрешения во многом зависит успех будущего развития. Таким образом, сегодня на новом витке модернизации, сменившей девиз индустриальной революции на парадигму устойчивого развития, происходит актуализация исторического опыта городского ремесла. Наряду с ремесленным мастером и ремесленной мастерской появились

⁹ Такие автомобильные концерны как «Даймлер» и «Фольксваген» имеют каждый около тысячи поставщиков комплектующих – малых и средних предприятий с узкой специализацией, что характерно для ремесленного производства, также прошедшего процессы модернизации и механизации. Но оно не уступило приоритет машинам, как это произошло на сборочных поточных линиях производства в названных фирмах, и сохранило центральное место мастера – собственника и носителя креативного потенциала в одном лице, способного создать конечный продукт в его завершенном исполнении. Ни один сотрудник концерна не обладает такими уникальными компетенциями, как мастер, который даже в среде крупного производства нуждается в своем особом гибком, компактном и крайне динамичном рабочем пространстве.

малые и средние предприятия и новые профессии, имеющие генетическую связь с ремесленным мастером. Как правило, это ресурсосберегающие, экологичные и социально нейтральные производства, то есть наиболее близкие к масштабам и принципам *модернизированной* ремесленной мастерской, еще недавно сданной в утиль истории как изживший себя архаизм [Келлер, 2014б]. Рассматривая историю городского ремесла в данной перспективе, мы получаем принципиально новое видение и понимание того, что у ремесла есть не только история, нуждающаяся в новом прочтении, но и большое будущее в контексте парадигмы устойчивого развития и «зеленой экономики».

Список литературы

- Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2007. 368 с.
- Алексеева Е. В., Редин Д. А., Рей М.-П.* «Европеизация», «вестернизация» и механизмы адаптации западных нововведений в России имперского периода // *Вопр. истории.* 2016. № 6. С. 3–20.
- Ананьев В. Г.* Провинциальные художественные музеи и кустарная промышленность в дискуссиях первой четверти XX в. // *Quaestio Rossica.* Vol. 5. 2017. № 1. С. 86–98. DOI 10.15826/qg.2017.1.212.
- Баканов С. А.* Демографическая деградация в старопромышленных районах Урала (1959–2010) // *Quaestio Rossica.* 2017. Vol. 5. № 1. С. 74–85. DOI 10.15826/qg.2017.1.211.
- Блессинг Г.* Профессиональный путь ремесленника // *Проф. образование.* 2004. № 9. С. 16–17.
- Егоров В. Г., Чистова С. М.* Городское ремесленное производство России в отечественной историографии. М. : ГОУ ВПО МГУЛ, 2009. 270 с.
- Ефанов А. В.* К вопросу о ценностях современного ремесленничества // *Становление и развитие ремесленничества и профессионального ремесленного образования в России : сб. науч. ст. 4-й междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Рос. гос. проф.- пед. ун-т, 2011. С. 17–22.*
- Келлер А. В.* Становление и развитие ремесленного образования в Санкт-Петербурге начала XVIII – начала XX в. // *Изв. УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки.* 2014а. № 3 (130). С. 227–240.
- Келлер А. В.* «Средневековый институт» или инновация в духе Петровских реформ? Цехи в России и корпоративное самоуправление ремесленников на примере Санкт-Петербурга с начала XVIII до начала XX века // *Россия XXI.* 2014б. № 5. С. 74–95.
- Клеман К.* Труд не на рабочем месте // *Отеч. зап.* 2007. № 4. С. 37–55.
- Космодемьянская А. И.* Модель профобразования европейского уровня // *Проф. образование.* 2004. № 9. С. 14–15.
- Луман Н.* Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратова. М. : Логос, 2006. 320 с.
- Мокир Дж.* Меркантилизм, Просвещение и промышленная революция // *Экономич. вестн. Ростов. гос. ун-та.* 2006. Т. 4. № 1. С. 7–31.
- Мокир Дж.* Рычаг богатства : Технологическая креативность и экономический прогресс / пер. с англ. Н. Эдельмана ; науч. ред. Т. Дробышевская, А. Смирнов. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. 504 с.
- Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 211 с.
- Побережников И. В.* Акторы российской имперской модернизации : проблемы и перспективы исследования // *Урал. ист. вестн.* 2015. № 4 (49). С. 16–25.
- Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.) / отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2014. 248 с.

Проблемы становления профессионального ремесленного образования в России : коллект. моногр. / [Л. Ф. Беликова и др.] ; под ред. Г. М. Романцева. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. 233 с.

Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX века (источниковедческие очерки) / отв. ред. Б. Г. Литвак. М. : Наука, 1986. 214 с.

Сеннет Р. Капитализм в большом городе : глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. № 3 (66). С. 95–107.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Вып. 22. М. : Наука, 1997. 298 с.

Туган-Барановский М. И. Избранное : Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М. : Наука, 1997. 735 с.

Харитонович Д. Э. Ремесло : Цехи и миф // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. М. : Наука, 1999. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. С. 118–124.

Шенелева В. Б. Кустари в теории, стратегии и тактике большевиков от империализма до НЭПа // Вестн. Омск. ун-та. 1997. № 2. С. 47–50.

Beck U., Bonß W., Lau C. Theorie reflexiver Modernisierung : Fragestellungen, Hypothesen, Forschungsprogramm // Beck, U., Bonß, W. (Hrsg.). Die Modernisierung der Moderne. Frankfurt a. M. : [S. n.], 2001. S. 11–59.

Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus. 2000. Vol. 129, No. 1. Iss. Multiple Modernities. P. 1–31.

Epstein S. R. Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change in Preindustrial Europe // The J. of Economic History. 1998. Vol. 58, No. 3. P. 684–713.

Fischer W. Wirtschaft und Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung. Aufsätze – Studien – Vorträge. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1972. 547 S.

Jobst K. S., Liechtenhan F.-D. Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh. // Quaestio Rossica. 2015. № 3. P. 35–65.

Kaufhold K. H. Das Handwerk zwischen Anpassung und Verdrängung // H. Pohl (Hg.). Sozialgeschichtliche Probleme der Hochindustrialisierung (1870–1914). Paderborn, München, Wien, Zürich : Schöningh, 1979. S. 103–141.

Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. Frankfurt a. M. : Peter Lang, 2002. 600 S.

Moore J. W. The Capitalocene. Part I: On the Nature & Origins of Our Ecological Crisis // Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism. [S. l.] : PM Press ; Kairos PM, 2016. 240 p.

Randeria S. Verwobene Moderne : Zivilgesellschaft, Kastenbindungen und nicht-staatliches Familienrecht im (post)kolonialen Indien // Randeria S. at al. Konfigurationen der Moderne : Diskurse zu Indien, Soziale Welt Sonderband 15. Baden-Baden : Nomos, 2004. S. 155–178.

Sennett R. The Craftsman. N. Haven : Yale Univ. Press, 2008. 326 p.

Seumer M. Vom Reinigungsgewerbe zum Gebäudereiniger-Handwerk : die Entwicklung der gewerblichen Gebäudereinigung in Deutschland (1878 bis 1990). Wiesbaden : Franz Steiner Verlag, 1998. S. 393.

Steiner B. Die Nebenfolgen in der Geschichte : Eine historische Soziologie reflexiver Modernisierung // Historische Zeitschrift. Beihefte N. F. 65 / Eds. A. Fahrmeir und L. Gall. Berlin, München, Boston : Walter De Gruyter GmbH, 2014. 141 S.

Beschäftigte / Umsätze // Zentralverband des deutschen Handwerks [Offizielle Webseite]. URL: <https://www.zdh.de/daten-fakten/betriebszahlen/beschaeftigte-umsaetze.html> (Stand: 19.10.2016).

References

Alekseeva, E. V. (2007). *Diffuziya evropeiskikh innovatsiy v Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [Diffusion of European Innovations in Russia (18th – Early 20th Centuries)]. 368 p. Moscow, ROSSPEN.

Alekseeva, E. V. (Ed). (2014). *Rol' endogennykh i ekzogennykh faktorov v razvitiі rossiyskoy tsivilizatsii (XVIII – nachalo XX v.)* [The Role of Endogenous and Exogenous Factors in the Development of Russian Civilisation (18th – Early 20th Centuries)]. 248 p. Yekaterinburg, RIO UrO RAN.

Alekseeva, E. V., Redin D. A., Rej M.-P. (2016). "Evropeizatsiya", "vesternizatsiya" i mekhanizmy adaptatsii zapadnykh novovvedeniy v Rossii imperskogo perioda ["Europeanisation", "Westernisation", and the Mechanisms of Adapting Western Innovation in Russia during the Imperial Period]. In *Voprosy istorii*, 6, pp. 3–20.

Ananiev, V. G. (2017). *Centres of Artisanal Culture: Discussions on Provincial Art Museums and the Handicraft Industry in the First Quarter of the 20th Century*. Discussions Surrounding Provincial Art Museums and the Handicraft Industry in the 1910s]. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5. № 1, pp. 86–98. DOI 10.15826/qr.2017.1.212.

Bakanov, S. A. (2017). *Urban Demographic Decline in the Traditional Industrial Regions of the Urals (1959–2010)*. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5. № 1, pp. 74–85. DOI 10.15826/qr.2017.1.211.

Beck, U., Bonß W., Lau C. (2001). Theorie reflexiver Modernisierung. Fragestellungen, Hypothesen, Forschungsprogramm. In Beck, U., Bonß, W. (Hrsg.). *Die Modernisierung der Moderne*. Frankfurt a. M., pp. 11–59.

Blessing, G. (2004). *Professional'nyi put' remeslennika* [The Professional Way of a Craftsman]. In *Professional'noe obrazovanie*, 9, pp. 16–17.

Bogatova, G. A. (Ed.). (1997). *Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv.* [A Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries] / Institut russkogo yazyka imeny V. V. Vinogradova. Vol. 22. 298 p. Moscow, Nauka.

Egorov, V. G., Chistova, S. M. (2009). *Gorodskoe remeslennoe proizvodstvo Rossii v otechestvennoy istoriografii* [Urban Craft Production in Russia in Russian Historiography]. 270 p. Moscow, GOU VPO MGUL.

Efanov, A. V. (2011). *K voprosu o tsennostyakh sovremennogo remeslennichestva*. In *Stanovlenie i razvitie remeslennichestva i professional'nogo remeslennogo obrazovaniya v Rossii* : sb. nauch. st. 4-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [On the Values of Contemporary Handicrafts // The Formation and Development of Artisan and Vocational Artisanal Education in Russia : Proc. of Scholarly. Art. 4th Int. Academic Practical. Conf.]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo professionalno-pedagogicheskogo universiteta, pp. 17–22.

Eisenstadt, S. N. (2000). Multiple Modernities. In *Daedalus*, Vol. 129, No. 1, pp. 1–31.

Epstein, S. R. (1998). Craft Guilds, Apprenticeship, and Technological Change in Preindustrial Europe. In *The J. of Economic History*, Vol. 58, No. 3, pp. 684–713.

Fischer, W. (1972). Wirtschaft und Gesellschaft im Zeitalter der Industrialisierung. Aufsätze – Studien – Vorträge. 547 S. Göttingen : Vanderhoeck & Ruprecht.

Jobst, K. S., Liechtenhan, F.-D. (2015). Wissenschaftliche, technologische und finanzielle Investitionen und Interaktionen europäischer Staaten im Zarenreich und die Vorzeichen des Ersten Weltkriegs seit der zweiten Hälfte des 19. Jh. In *Quaestio Rossica*, 3, pp. 35–65.

Kauffhold, K. H. (1979). Das Handwerk zwischen Anpassung und Verdrängung // H. Pohl (Hsg.). *Sozialgeschichtliche Probleme der Hochindustrialisierung (1879–1914)*. Paderborn, München, Wien, Zürich, Schöningh, pp. 103–141.

Keller, A. (2002). Die Handwerker in St. Petersburg. Von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges. 600 S. Frankfurt a. Main u. a., Peter Lang.

Keller, A. V. (2014a). Stanovlenie i razvitie remeslennogo obrazovaniya v Sankt-Peterburge nachala 18 – nachala 20 v. [The Formation and Development of Vocational Education in St Petersburg in the Early 18th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*. Ser. 2, Gumanitarnye nauki, 3 (130), pp. 227–240.

Keller, A. V. (2014b). "Srednevekovyi institut" ili innovatsiya v dukhe petrovskikh reform? Tsekh v Rossii i korporativnoe samoupravlenie remeslennikov na primere Sankt-Peterburga s nachala XVIII do nachala XX veka [A "Medieval institution" or an Innovation in the Spirit of Peter's Reforms? Workshops in Russia and Artisan Corporate Government in St Petersburg between the Early 18th to the Early 20th Centuries]. In *Rossiia XXI*, 5, pp. 74–95.

Kharitonovich, D. E. (1999). Remeslo : Čehi i mif [Handicraft. Workshops and Myth] In Svanidze, A. A. (Ed.). *Gorod v srednevekovoj civilizatsii Zapadnoj Evropy*. Vol. 1–4. Vol. 2. *Zhizn' goroda i dejatel'nost' gorozhan*. Moscow, Nauka, pp. 118–124.

Klement, K. (2007). Trud ne na rabochem meste [Work outside the Workplace] // *Otechestvennye zapiski*, 4, pp. 37–55.

Kosmodem'yanskaya, A. I. (2004). Model' profobrazovaniya evropeyskogo urovnya [A Model of Vocational Education of the European Level]. In *Professional'noe obrazovanie*, 9, pp. 14–15.

Luhmann, N. (2006). *Differentsiatsiya* [Differentiation] / transl. by B. Skuratov. 320 p. Moscow, Logos.

Mokyr, J. (2006). Merkantilizm, prosveshchenie i promyshlennaya revoliutsiya [Mercantilism, the Enlightenment, and the Industrial Revolution]. In *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 4, No. 1, pp. 7–31.

Mokyr, J. (2014). *Rychag bogatstva : Tekhnologicheskaya kreativnost' i ekonomicheskii progress* [The Lever of Riches : Technological Creativity and Economic Progress] / transl. by N. Edel'man; eds. T. Drobyshevskoy, A. Smirnova. 504 p. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara.

Moore, J. W. The Capitalocene. Part I : On the Nature & Origins of Our Ecological Crisis. In Moore J. W., ed. (2016). *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*. 240 p. PM Press/Kairos PM, pp. 1–40.

Pazhitnov, K. A. (1952). *Problema remeslennykh cechov v zakonodatel'stve russkogo absolutizma* [The Problem of Guilds in the Legislation of Russian Absolutism]. 211 p. Moscow, AN SSSR.

Poberezhnikov, I. V. (2015). Aktory rossiiskoy imperskoy modernizatsii : problemy i perspektivy issledovaniya [The Actors in Russian Imperial Modernization : Problems and Perspectives of Research]. In *Ural'skiy istoricheskii vestnik*, 4 (49), pp. 16–25.

Randeria, S. (2004). Verwobene Moderne : Zivilgesellschaft, Kastenbindungen und nicht-staatliches Familienrecht im (post)kolonialen Indien. In Randeria, S. at al. (Eds.). *Konfigurationen der Moderne : Diskurse zu Indien*. Soziale Welt Sonderband 15. Baden-Baden, Nomos, pp. 155–178.

Romantsev, G. M. (Ed.). (2012). *Problemy stanovleniya professional'nogo remeslennogo obrazovaniya v Rossii : kollektivnaya monografiya* [Problems of the Formation of Vocational Trade Education in Russia : Collective Monograph]. 233 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Rossiyskogo gosudarstvennogo professionalno-pedagogicheskogo universiteta.

Rybakov, Yu. Ya. (1986). *Promyshlennoe zakonodatel'stvo Rossii pervoi poloviny XIX veka (istochnikovedcheskie ocherki)* [Industrial Legislation in Russia in the First Half of the 19th Century (Source Essays)] / Ed. B. G. Litvak. 214 p. Moscow, Nauka.

Sennet, R. (2008). Kapitalizm v bol'shom gorode : globalizatsiia, gibkost' i bezrazlichie [Capitalism and the City : Globalization, Flexibility, and Indifference]. In *Logos : filosofsko-literaturnyi zhurnal*, 3 (66), pp. 95–107.

Sennet, R. (2008). *The Craftsman*. 326 p. N. Haven, Yale Univ. Press.

Seumer, M. (1998). Vom Reinigungsgewerbe zum Gebäudereiniger-Handwerk : die Entwicklung der gewerblichen Gebäudereinigung in Deutschland (1878 bis 1990). 393 S. Stuttgart, Franz Steiner Verlag.

Shepeleva, V. B. (1997). *Kustari v teorii, strategii i taktike bol'shevikov ot imperializma do NEPa* [Craftsmen in the Theory, Strategy, and Tactics of the Bolsheviks from Imperialism to the NEP]. In *Vestnik Omskogo universiteta*, 2, pp. 47–50.

Steiner, B. (2014). Die Nebenfolgen in der Geschichte. Eine historische Soziologie reflexiver Modernisierung. In *Historische Zeitschrift*, Beihefte N. F. 65, eds. A. Fahrmeir und L. Gall. Berlin, München, Boston, Walter De Gruyter GmbH, pp. 11–15.

Tugan-Baranovsky, M. I. (1997). *Izbrannoe : Russkaia fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoe razvitie russkoy fabрики v XIX v.* [Selected Works. The Russian Factory in the Past and Present. Historical Development of the Russian Factory in the 19th Century]. 735 p. Moscow, Nauka.

Beschäftigte / Umsätze // Zentralverband des deutschen Handwerks [Offizielle Webseite]. URL: <https://www.zdh.de/daten-fakten/betriebszahlen/beschaeftigte-umsaetze.html> (Stand: 19.10.2016).

The article was submitted on 19.06.2016